

ОБЩЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СТРОЕНИИ И ДИНАМИКЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Е. Ю. Шакирова

*Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского
и Ю. А. Гагарина (филиал в г. Сызрань)*

Поступила в редакцию 15 сентября 2013 г.

Аннотация: в статье автор анализирует современное социокультурное пространство с позиции его устройства. Констатируется, что основой социокультурного пространства являются ценностные образования, лежащие в основе фундаментальных социальных переменных, названных монадами, связь между которыми соответствует мозаичному типу. При этом отмечается, что ценностные основания современного социокультурного пространства в условиях нелинейности и неравновесности принимают конфигурацию ризома.

Ключевые слова: социокультурное пространство, ценности, мозаичность, ризома, социокультурная монада, современность.

Abstract: in this article the author analyzes modern social and cultural field in the context of its organization. It is stated that the basis of social and cultural field are valuable formations which are at the heart of fundamental social variables, called monades, the relationship between which corresponds to the mosaic type. It is noted that the value basis of the modern social and cultural field in nonlinear and nonequilibrium situation take the shape of rhizomes.

Key words: social and cultural field, values, mosaic structure, rhizome, social and cultural monade, modernity.

2013. № 2

108

Действительность не представляет нечто прочное и самодостаточное, данное раз и навсегда, ее в большей степени можно охарактеризовать как текучий, непрерывно формирующийся и разворачивающийся процесс. Осознание социокультурной раздробленности, неравновесности и нестабильности, непостоянства и изменчивости, относительности и мгновенности, плюрализма и бессвязности, случайности и прерывности реальности выдвигает на первый план проблему пересмотра имеющихся описаний современного общества и социокультурного пространства, в котором разворачивается его бытие. Мир в целом – предмет для спекулятивного осмысления, гносеологический повод для построения моделей объяснения его устройства; современное социокультурное пространство не является исключением в этом плане.

Предваряя наши последующие рассуждения о современном обществе, отметим, что о любом обществе можно говорить в различных смыслах. Представим, на наш взгляд, три наиболее важные характеристики. Во-первых, современное (в большей степени европогенное) общество в широком социокультурном и историческом аспекте – это единый пространственно-временной континуум, исходящий из античности и хрис-

тианства, имеющий несколько ветвей развития, связанных общим происхождением, общей историей, общими этическими и эстетическими основами деятельности, схожим строением мыслительных и языковых конструкций. Здесь можно говорить и о принадлежности русской культуры, российского общества и – шире – российского социокультурного пространства к современному европогенному. Заметим, что далее, употребляя понятие современного общества, мы в большей степени будем иметь в виду именно европогенное общество, а ведя речь о современном социокультурном пространстве, – будем подразумевать социокультурное пространство, сформированное культурой и социальностью, свойственными европогенному обществу.

Во-вторых, что также немаловажно, современное общество в более узком смысле обозначает появившийся в последние столетия специфический вариант социокультурной организации с доминированием рационализма в основаниях деятельности, что, несомненно, имеет отражение на устройении социокультурного пространства и его элементах.

И, наконец, в-третьих, современное общество вошло в такую стадию, которая в своей социально-практической деятельности в значительной степени нивелирует свои же достижения в духовной области, выставляя меркантильные, заниженные идеалы выше других в социальной практике, что подразумевает постоянную трансформацию ценностных основ социокультурного пространства.

Сложность проблематики современного социокультурного пространства обусловлена во многом тем, что XXI век заострил многие проблемы человечества, актуализировал новые, расширив социальное проблемное поле, и это связано с ускорением процессов социального развития и невозможностью уйти от разрешения насущных вопросов, приобретающих планетарный масштаб. Современность меняет акценты и поворачивает человечество на постижение и освоение самого себя, общества, культуры. Философия все больше ориентируется на социум, ценностные основания его бытия, и многообразие философии в себе не представляет, с одной стороны, высокой ценности, поскольку не предлагает четко обозначенных позиций, но с другой – является положительным качеством, дающим возможность рассуждать, анализировать и сравнивать.

Наше обращение к проблеме современного социокультурного пространства не случайно. Идея социокультурной раздробленности, социальной нестабильности, изменчивости активизируется в социально-философских концепциях, становясь начальной точкой рассуждений о кризисе, рисках, будущности социума и т.д. Особое значение для философии приобретают попытки объединения многого в единое целое, попытки формирования единой концепции постижения социального на основе многообразного в мысли; правда, данные попытки кажутся не всегда логичными.

Предлагаемый нами подход к осмыслению современного социума позволяет в первую очередь в рамках спекулятивного знания найти способ обоснования рискогенности и кризисогенности современного со-

циокультурного пространства. Во многом наши измышления дискуссионны, но в этом и состоит эвристический смысл любого философского размышления. Но стоит помнить, что «...каждая универсализирующе толкующая историко-социологическая интерпретация, стремящаяся пояснить судьбу сегодняшнего последнего типа... человека и... отчетливо показать решающие черты видения, в котором может быть утверждено его существование, должна одновременно пытаться дать картину того, в каком освещенном изнутри историческом процессе ему надлежит видеть себя и какое значение этот процесс имеет для его существования и самоосуществления» [1, с. 300]. Поэтому анализировать социокультурное пространство современности мы начнем с азов. Фактически любой социальный анализ начинается с определения общества как такового, что позволит перейти в дальнейшем к определению социокультурного пространства.

Положение, что общество представляет собой систему, не требует доказательств, оно прочно вошло в философский дискурс современности. Понятие системы используется в качестве родового понятия по отношению к понятию общества. Общество не может существовать, не потребляя окружающего мира, следовательно, оно оказывается системой субъектного типа, и это понятие следует считать родовым по отношению к понятию «общество» [2].

Исследования общества как системы занимают огромный пласт в социально-философской литературе. Достаточно привести в качестве примера труды некоторых социологов, ставшие уже академическими [3–5]. В частности, Н. Луман отмечает, что «система – это форма с двумя сторонами» [3, с. 78] (здесь имеется в виду различие между системой и средой). Социальные системы, по его мнению, имеют свою особенность – наличие смысла. Смысл описывает специфику способа операций социальных систем по сравнению с биологическими, физическими системами. Смысловое пространство, в котором происходит функционирование социума, создается, с одной стороны, самим социумом, а с другой – постепенно приобретает самостоятельность и начинает оказывать обратное воздействие на социальные отношения. Смысловое пространство социума непосредственно связано с ценностными парадигмами, пронизывающие социальные отношения, заметим, что смысловые позиции социального пространства иерархичны, связаны между собой отношениями подчинения и зависимости. Осмелимся утверждать, что смысловое пространство, созданное социумом, и есть пространство социокультурных смыслов, социокультурное пространство.

Э. Гидденс, исследуя общества, отмечал, что «общества» представляют социальные системы, «выделяющиеся на фоне ряда других системных отношений, в которые они включены. Их особое положение обусловлено четко выраженными структуральными принципами, используемыми в процессе всеобъемлющей «кластеризации институтов» во времени и пространстве. Такого рода кластеризация или группировка является первой и наиболее существенной характеристикой общества» [4, с. 242].

Данный термин (социальная система), по Гидденсу, не следует употреблять лишь для обозначения четко ограниченных и отдельных от других совокупностей социальных отношений, поскольку уровень системности может быть весьма изменчив [4, с. 242–243]. Трактовку общества как некой системы, имеющей определенную структуру, можно считать уже классической в социальной философии.

Т. Парсонс, проводя социальный анализ, писал, что «общество – это по сравнению с другими наиболее самодостаточный тип социальной системы» [5, с. 782]. «...Критерий самодостаточности можно разложить на пять субкритериев, так что каждый из них окажется связанным с одним из пяти окружений социальной системы: “конечной реальностью”, культурными системами, системами личности, организмами, обладающими поведением и физико-органическим окружением. Самодостаточность общества зависит от гармоничной комбинации контроля этого общества за его отношениями со всеми пятью окружениями и состояния его внутренней интеграции» [5, с. 792]. Основная функция контроля над поведением социальной системы принадлежит ценностно-нормативному компоненту, именно поэтому Парсонс приходит к выводу, что «суть общества как системы – это стандартизированный нормативный порядок, благодаря которому жизнь популяции организована на коллективных основаниях» [5, с. 794]. Ценностные парадигмы, таким образом, обеспечивают нормативную связь между социальной подсистемой и другими подсистемами общества.

Роль ценностей велика в формировании социальной структуры, адекватно отвечающей реалиям окружающей среды и реагирующей на изменения как внутреннего, так и внешнего характера. Ценности – основа общества, социокультурные феномены, детерминирующие функционирование системы в данной социокультурной среде. Появление таких структур, как аксиологические матрицы, является необходимым условием взаимодействия социума с окружающей действительностью и нормализации отношений внутри самого социума. Но ценностные матрицы, помимо того, что являются основой социума, определяют также и пространственные рамки существования этого социума, его социокультурную принадлежность и являются разграничением между одним социокультурным пространством и иным. Заметим, что часто данное понятие (=социокультурное пространство) используется в современной гуманитарной науке без достаточно точного определения. Что же представляет социокультурное пространство? Какова взаимосвязь между социумом и социокультурным пространством?

Социокультурное пространство можно соотнести с двумя взаимосвязанными понятиями – социальное пространство и культурное пространство. Следует отметить, что само понятие социального пространства не есть чисто «социологическое» или «социально-философское», что значительно затрудняет определение этого понятия. Та или иная совокупность социальных явлений еще не социальное пространство. В социологическом словаре указано, что это «поле социальной деятельности, включа-

ющее совокупность значимых социальных групп, индивидов, объектов в том или ином их взаимном расположении» [6, с. 273]. Однако большинство исследователей основой конструирования социального пространства называют социальное взаимодействие. Социальное пространство не воспринимается как пространство вне социума, поэтому мы в начале статьи рассмотрели основные определения социума у ведущих исследователей социального. Можно предположить, что пространство как таковое можно условно разделить на социализированное и не социализированное. Социализированная часть пространства фактически повторяет социальную структуру и чаще всего является ее следствием. Такое понимание в большей степени характерно для Г. Зиммеля. Рассуждая о социальном пространстве, он утверждал, что данное понятие является производной социальной дистанции, в которой происходит взаимодействие людей и социальных групп [7]. При этом «социальная дистанция – это своего рода пространственный параметр формы, наполненный социальным содержанием» [8, с. 123].

У П. Бурдьё понятие социального пространства представляет собой форму, выражающую определенные отношения, которые проявляются как способы координации между состояниями предметов исследования. Содержание данной формы составляют социальные явления и процессы, характер которых и определяет основные свойства социального пространства. «Социальное пространство – поле социальных отношений или сил... Оно не зависит от распределенных в нем социальных структур» [9, с. 572]. Иными словами, для Бурдьё социальное пространство – это поле, где агенты могут занимать разные позиции, это структура социальных позиций.

Не существует некоего абсолютного социального пространства. Оно конструируется всякий раз и в каждом конкретном случае, может быть и одномерным, и многомерным с любым числом измерений, поскольку данное понятие используется для описания взаимосвязей различного рода, существующих между социальными объектами, явлениями и процессами. Однако конструирование социального пространства на основе эмпирических данных не означает его произвольности. Нельзя взять произвольные показатели и на их основе выстроить социальное пространство, в данном случае пространство превратится в простую конфигурацию объектов социальной реальности.

Социальное пространство понимается как структура позиций, «обеспечивает всеобщую действительную взаимосвязь предметов и явлений минимально необходимой системой отношений» [9, с. 572], без которой познание социальности невозможно.

Вторая составляющая социокультурного пространства – культурная. В работах многих исследователей изучаются проблемы соотношения культуры и времени, культуры и пространства [10–12]. Для Л. В. Силкиной «культурное пространство – это своеобразный механизм, способ, при помощи которого происходит процесс окультуривания естественного пространства» [12, с. 5]. И. М. Гуткина полагает, что «культурное

пространство можно рассматривать в рационалистическом контексте как понятие, характеризующее культуру с позиций ее расположения, протяженности и насыщенности...» [10, с. 64], что не совсем отражает, на наш взгляд, специфику культурного пространства. С точки зрения Ю. М. Лотмана, категория пространства непосредственно связана с понятием культуры: «своеобразие человека как культурного существа требует противопоставления его миру природы, понимаемой как внекультурное пространство» [11, с. 21]. Опираясь на приведенные определения социального и культурного пространств, попробуем дать определение социокультурному пространству.

Социокультурное пространство – важный аспект формирования модели мира, обладающей характеристиками протяженности и структурности, сосуществования и взаимодействия, координации элементов культуры и смысловой наполняемости социальной организации. Его можно интерпретировать как перманентный процесс созидания смыслов и событий. Социокультурное пространство подразумевает сосуществование духовного и не-духовного (материального) мира на основе созданного человеком мировидения и социовидения. Социокультурное пространство – феномен многоуровневый, многоэтапный и разноплановый. Развитие его представляет собой изменение состояний при условии сохранения некоего исходного состояния, порождающего новые состояния.

Рассматривая социокультурное пространство, мы неизменно приходим к необходимости согласования данного понятия с понятием социокультурной ситуации. Е. В. Листвина определяет социокультурную ситуацию как «совокупность условий и обстоятельств, структурирующих социальное пространство с точки зрения культурного приоритета и развивающихся во времени культурную доминанту общественного развития на макросоциальном, групповом и личностном уровнях» [13]. Иными словами, социокультурная ситуация, организуя социальное пространство с культурных позиций, формирует именно социокультурное пространство, которое в дальнейшем начинает оказывать обратное влияние на сущностное содержание самой ситуации. Листвина полагает, что социокультурная ситуация функционирует в рамках определенных полей и потоков, которые устанавливают качественное состояние социокультурной ситуации, и выделяет следующие поля: цивилизационное, антропологическое, семиотическое, информационное. Полагая, что социокультурная ситуация представляет открытую и динамическую систему, она отмечает, что движение внутри социокультурной ситуации (а значит, и социокультурного пространства) происходит по определенным потокам, среди которых называет доминантные, трансляционные, потенциальные, параллельные, опережающие, запаздывающие [13].

В свою очередь, В. Г. Немировский полагает, что каждый социум имеет три уровня: вещественно-энергетический, функционально-организационный и информационный [14, с. 103],

Обобщив результаты исследований, мы приходим к следующим выводам: социокультурное пространство представляет «связку» нескольких

понятий, которая позволяет описать современную реальность с различных сторон. На наш взгляд, специфика социокультурного пространства может быть выражена в следующем определении. Социокультурное пространство – это конструированное пространство смысла, в котором отражена специфика социальной и культурной организации изучаемого социума. Пространственная парадигма в социокультурном измерении позволяет увидеть культуру и социум как единое целое, «обладающее особой структурой, определенными элементами однородности и одновременно – многомерности» [15, с. 25]. Социокультурное пространство имеет свое метрическое измерение. Ценности, обладающие значимостью и семантически наполняющие смыслом элементы социокультурного пространства, выступают в качестве базовых метрик пространства, выстраивают его архитектуру. Так, основная плоскость социокультурного пространства – аксиологическая.

Однако в последнее время ценностные основания современного общества претерпевают, на наш взгляд, значительные изменения, вносящие коррективы в устройство социокультурного пространства. В социальном континууме неизбежно проявляются так называемые «точки напряжения», в которых происходят более или менее значимые изменения в структуре социального бытия. Они имеют ярко выраженную аксиологическую составляющую, изменения внутри которой трансформирует социокультурное пространство в целом или какие-либо его части. Активизация этих «точек» наблюдается в кризисные периоды трансформаций, социокультурной ломки и травмы. Подобные «точки» представлены социокультурными единицами (назовем их монадами), выступающими в качестве показателей множественности социокультурного пространства.

Итак, монада – социокультурная единица, лежащая в основании того или иного социокультурного пространства. Вокруг каждой ценности группируются такие социокультурные элементы, которые семантически с нею связаны: поведенческие стереотипы, базовые ментальные и языковые структуры и т.д. Они и определяют содержание социокультурной монады. Монады передаются из поколения в поколение, т.е. формируют коллективную память социума. Разрушение ценностной системы или же ее размывание неизбежно приводит к разрушению социокультурных монад, а следовательно, и к изменению и деформации структуры коллективной памяти [16], и к разрушению социокультурной ткани, сформированной сетью отношений между данными социокультурными единицами. Монады детерминируют функционирование социокультурности и выступают в качестве переменных, обеспечивающих конфигурацию социокультурного пространства. Это такие фундаментальные социокультурные переменные, которые ответственны за фиксированность социокультурных связей в определенной социокультурной ситуации и в определенный временной период. Варьирование фундаментальных социокультурных переменных (монад) влечет, как было отмечено, трансформацию ткани социокультурного пространства. С одной стороны, наша социокультурность такова, потому что таковы фундаменталь-

ные социокультурные переменные. С другой стороны, именно наличие фундаментальных социокультурных переменных (монад) подразумевает нестабильность социума и отрицает любое фиксированное устройство. Общество а-priori может организовываться по-разному, однако благодаря фундаментальным социокультурным переменным общество формируется именно в заданном направлении, определяются внутреннее тождество и согласованность элементов друг с другом. При этом фундаментальные социокультурные переменные (ФСП), являясь предпосылками человеческой деятельности, определяют стохастичность поведения социокультурного образования. Множественность ФСП (монад) не означает разорванности социокультурного пространства и раздробленности общества, а подразумевает взаимодействие и взаимоналожение семантических значений монад, что в дальнейшем служит источником динамического развития социальности в целом. Трансформация сущностного наполнения монады свидетельствует о радикальном изменении социальной ткани, заполняющей социальное пространство. Начало такой трансформации – ценностная эрозия, подразумевающая размывание аксиологического поля социума, – а этот процесс, по существу, означает начало глубокого мировоззренческого кризиса.

Если говорить о ценностной системе как об идеальном типе, то ценностная сфера социума представляет собой относительно устойчивое, структурированное образование, в котором можно выделить ядро и периферию. Ядерные ценности – основополагающие, базовые, определяющие социокультурную специфику того или иного общества. Ценности периферии – это ценности заимствованные, не играющие столь важной роли в аксиоматрице социума. Ядерные ценности формируют социокультурные монады, определяющие своеобразие социума[17].

Однако ситуация коренным образом меняется в обществе постсовременности. Периферийные ценности получают все большее развитие, и постепенно граница между ядром и периферией нивелируется, а структурные связи между ценностными группами нарушаются. Благодаря процессам глобализации и культурной ассимиляции в ценностную матрицу социума все активнее проникают ценности иных социокультурных полей, изменяется характер периферийных ценностей, и это способствует тому, что многие из них начинают приобретать самостоятельный статус и значимость в социокультурном пространстве. Оформляется отличное от ядра ценностное направление, получающее свой собственный статус развития (например, рыночные ценности в российском обществе, ценности индивидуализма и т.д.) Так, в системе ценностей общества нарушаются структурные отношения, а сама структура разрушается, превращаясь в иное образование, для которого наилучшим образом подходит понятие, заимствованное из философии постмодернизма – ризома. Постмодернистский образ ризомы подытоживает развитие философии XX века, этот образ точно отражает сущность социального развития.

С одной стороны, понятие ризомы можно рассматривать как метафору, но с другой стороны, метафора – это своеобразный познавательный

инструмент. По мере того, как практический язык стали изучать в контексте его действия [18], появился интерес к метафоре именно с философской точки зрения. По мнению Ф. Анкерсмита, метафора служит не только для смыслового выражения вещи – это средство, направленное на понимание, т.е. на освоение действительности. Метафорическая парадигма рассмотрения реальности имеет и другое назначение: посредством метафоры организуется наше знание о мире. Так, метафора способна к конструированию реальности [19]. Показывая объект в другом ракурсе, метафора создает новое его видение. Метафоре имманентно присуще свойство анизотропности (способность выявлять различные свойства объекта в различных направлениях), благодаря чему происходит совмещение различных сущностей, воссоздаваемых на основе ассоциативных связей. В результате возникает новый гносеологический образ.

Ризома, по мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «...имеет очень разнообразные формы, начиная со своей внешней протяженности, разветвленной во все стороны, до конкретизации в луковицы и клубни»[20]. Любое место ризомы может быть присоединено к другому, она непрестанно может соединять в себе различные семиотические звенья и плато, напоминая клубень, связывающий разнородные составляющие. Развитие ризомы не линейно: она одновременно развивается в разных направлениях, у нее отсутствует единый центр; множественность является существенной особенностью ризомы. Эта особенность характеризует свойство ризомы быть сломанной в любом месте и быть возобновленной снова в любой другом месте, следуя только ей понятной логике развития. В ризоме присутствуют линии сегментарности, вдоль которых она «стратифицирована, територизована, организована, означена, атрибутирована и т.д.»[20], но наряду с ними присутствуют и «линии детерриторизации, по которым она непрестанно ускользает» [20]. При этом пересечение линий сегментарности и линий ускользания означает разрыв ризомы. Разрыв, по существу, подразумевает начало новой линии, нового направления развития. Применительно к аксиосфере разрыв намечается там, где происходит «столкновение» двух типов аксионаправлений, двух типов линий – линий-традиций (в данном случае линий сегментарности), образованных из ценностных элементов ядра, имеющих определенную смысловую схожесть по сегментам традиционности, и линий-инноваций (линий детерриторизации), образованных из ценностных групп периферии, размывающих «территорию» действия этих групп. Состыковка данных направлений возможна лишь как начало нового аксионаправления в точке их столкновения и, соответственно, нового направления социального развития. Принципиальное отличие ризомы заключается в том, что она может развиваться куда угодно и принимать любые конфигурации, ибо ризома абсолютно нелинейна.

Ризома моделируется в качестве неравновесной целостности, во многом аналогичной неравновесным средам, изучаемым синергетикой. Она не характеризуется наличием организационных порядков и отличается непрерывной подвижностью. Источником внутренних трансфор-

маций выступает не вторжение инородных элементов, а имманентная нестабильность, обусловленная ее потенциалом варьирования. Ризома – сверхсложное образование. Линии-направления ризомы можно представить как некие полуавтономные субцелостности, разветвляющиеся от субцелостностей низшего порядка. Истинная картина сложности ризомы имеет весьма необычный вид и предстает как совокупность линий-направлений и причинно взаимодействующих аксиосемантических «клубней», выступающих в качестве семиотических звеньев-связок между векторами-направлениями. Ризома, процессуально плюральна, всегда имеет несколько выходов, принципиально не артикулируема с точки зрения своего происхождения и возможностей введения критериев для оценки ее процессуальности в качестве прогресса или регресса (данные понятия просто несовместимы с ризомой как формой организации). В этом отношении можно предположить, что концепция ризоморфной организации задает иное понимание детерминизма, свободного от идеи внешнего причиняющего воздействия. Хотя, согласно авторской точке зрения, сама ризома появляется именно благодаря внешним «вкраплениям» иного, другого в структуру, благодаря появлению иных существенных начал внутри организации (мы намеренно избегаем понятия системы в данном контексте).

Процесс формирования аксиоризомы можно охарактеризовать как некий аксиосоциальный эпигенез, т.е. в результате вторичных процессов, под которыми можно понимать любые побочные процессы, активизировавшиеся как следствие основных, появляются ценностные новообразования и проявляются ценностные трансформации. В результате социального эпигенеза возможен прорыв одной особенности, нетипичной для целого формирования, дающей неудержимое по силе и последствиям бытийное развитие (так называемый закон ароморфоза). Таким образом, возникновение аксиосемантических клубней и новых ценностных направлений можно отнести к прорыву нетипичной, нестандартной ценностной точки и ее разрастанию в значимое образование. Любое действительно новое возникает как единичное и особенное явление, как исключение из правил. Прорыв одной аксиоточки (ценности) является уже прецедентом и провоцирует другие прорывы, в результате чего развиваются многочисленные аксионаправления. Так, вследствие ценностного ароморфоза мы имеем ценностную схизму, принявшую форму ризомы и развивающуюся по своим собственным законам.

Итак, каждая ветвь ризомы, каждое ее направление – это определенное аксионаправление, на каждой такой ветви имеется аксиосемантический клубень, определяющий содержание социокультурных монад, связанных с данным ценностным вектором. Аксиоризома содержит многочисленные ответвления, эти ценностные образования связаны с различными сферами общественной жизни (религия, мораль, политика, экономика, искусство и т.д.), они детерминированы не только внутренним устройством общества, но и внешними контактами общества с другими средами, с другими социокультурными пространствами по прин-

ципу «вызов—ответ», в результате чего формируются дополнительные ответвления, разрывающие ризому и порождающие новые направления роста. Ценности иных социумов, культурные ассимиляции, вкрапления и заимствования, глобализация, распыление традиционных ценностей, быстрый научно-технический прогресс все больше и больше способствуют развитию новых аксиолиний-направлений, при этом аксиологический «клубень», определяющий содержание данного направления, выступает в роли детерминанта социальных связей и отношений, на основе которых функционируют те или иные социальные группы. Общество, имеющее в качестве основания аксиоризому, не может быть четко структурированным. Социальная ткань становится все более разорванной и социальное пространство разрывается в местах надлома ценностной ризомы.

Тем не менее ризоморфность аксиосферы не определяет ризоморфности социокультурного пространства, так как оно выстраивается не только по аксиологическим линиям, но и по другим определяющим компонентам. Социальные трансформации в современном мире позволяют говорить о формировании принципиально нового типа социокультурного пространства, которое базируется не только на привязке к социальным субъектам и культурным границам и аксиологическим точкам, но и на информационных потоках, лишенных какого-либо централизованного управления, а также единого ценностного основания, что приводит к исчезновению границ смыслового поля. «Основой архитектоники пространства... выступает различие позиций. Пространство всегда соотносит нечто как различное» [21, с. 23–24]. В социокультурном пространстве, наполненном разнообразными объектами, различение – необходимый атрибут сосуществования и взаимодействия этих объектов. «Там, где проводится, устанавливается различие, там структурируется пространство смысла» [21, с. 23].

Но социокультурное пространство современного социума наполнено такими процессами, как социальная диверсификация, дифференциация, мультипликация смыслов и значений. Поэтому раскрыть внутренний контекст смыслов, содержащихся в социокультурном пространстве, способен анализ, отвечающий следующим условиям. Во-первых, социокультурное пространство необходимо рассматривать не как пространство устойчивого смысла, а как вместилище множества смыслов или как место пересечения множества смыслов, смысловых полей. Во-вторых, социокультурное пространство следует понимать как акт, акт взаимодействия различных дискурсов, акт совместного творчества социальных акторов. И, в-третьих, важно учитывать динамический характер социокультурного пространства, что подразумевает его перманентную трансформацию. Исходя из этого, полагаем, что социокультурное пространство обладает таким свойством, как относительность, т.е. под воздействием определенных причин оно может расширяться или сужаться. Как правило, расширение социокультурного пространства происходит в результате естественного взаимодействия с другими культурами по принципу «вы-

зов–ответ», что ведет к появлению новых элементов социокультурного пространства – монад, а в аксиологической сфере происходит развитие линий-инноваций. Сужение социокультурного пространства имеет место там, где наблюдается агрессия со стороны других социокультурных миров. В этом случае «срабатывают» защитные социокультурные механизмы, повышается закрытость пространства, происходит активизация линий-традиций аксиоризомы.

Социокультурное пространство современного общества характеризуется размытостью границ, неопределенностью, переходностью позиций и трансформацией сущностных качеств. Социальная действительность не представляет нечто прочное и самодостаточное: скорее это текучий, непрерывно формирующийся и постоянно разворачивающийся процесс. Социальная реальность становится невероятно разветвленной, многомерной, податливой и безграничной, характерными чертами социальной выступают случайность и прерывность. На наш взгляд, наиболее подходящей моделью для описания современного социокультурного пространства является мозаичная модель.

Мозаичная модель соединения различных элементов в некое целое была предложена уфимскими учеными Б. С. Галимовым и А. И. Селивановым. Основана данная модель на анализе взаимодействий, имеющих место как в природе, так и в социально-экономической и культурной среде. Все взаимодействия базируются на принципе обмена, иными словами, взаимодействие – это «обмен некоторой субстанцией. Субстанции обмена могут быть вещественно-материальными и духовно-идеальными» [22, с. 166]. Взаимодействие многоканально, субстанций взаимодействия может быть много между одними и теми же объектами и в одном канале. Вероятно, не каждое взаимодействие приводит к единению, но любое единение осуществляется посредством взаимодействия. Основополагающий принцип такого мозаичного единения – коллективный обмен.

«Мозаика – специфический тип единства систем», – полагает А. И. Селиванов. Под мозаично организованной системой не следует понимать либо целостную, либо суммированную систему; в такой системе взаимодействия между элементами осуществляются не настолько жестко, чтобы вести речь о подчинении одних элементов другим. Благодаря гибким связям элементы подобной организации реализуют заложенные в них потенциалы развития в большей степени на своих собственных началах. Кроме того, более «слабые» («энергетически слабые» или «информативно слабые») элементы получают возможность объединяться в самодостаточное целое, подчиненное более высокому уровню целеполагания. «Мозаичность – это принцип, который отражает реальное единство многообразных отдельных объектов. Мозаичность – и множественность, и единство бытия» [22, с. 170]. Так, мозаично организованная система – это система, которая имеет в своем составе разнородную совокупность объектов, незавершенную, разбитую на отдельные фрагменты, при этом данные фрагменты являются заготовками для будущего конструирования.

Сказанное не означает, что мозаичный объект не обладает единством, внутреннее единство ему придает смысловое поле, смысловое пространство, в котором данный объект существует.

Еще П. Сорокин, описывая культурное пространство, подчеркивал, что «степень функционального единства или функциональной взаимозависимости не везде одинакова» [23, с. 39]. Мозаичность подразумевает именно такой тип связи, при этом следует указать, что, помимо уфимских исследователей, термин «мозаичная» по отношению к культуре используют А. Моля и С. Кара-Мурза [24; 25], однако в данном случае атрибут «мозаичная» используется не для описания типа объединения элементов, а для подчеркивания в большей степени случайности, стохастичности и а-логичности связи между культурными элементами и непроизвольности восприятия человеком данных элементов. Современная культура, по мнению А. Моля, состоит из множества соприкасающихся, но не образующих логических конструкций, фрагментов. Они не образуют структуры, но обладают силой сцепления, которая придает определенную плотность, компактность [24]. А. И. Селиванов подчеркивает, что «в мозаичном способе единения происходит большая экономия ресурсов. Поэтому такая система за счет минимизации в рамках структурного обмена является более энергичным способом существования реальности» [23, с. 171]. На наш взгляд, мозаичный тип единения в большей степени будет характерен для состояния, которое нами обозначается как состояние дрейфа.

Общество в состоянии дрейфа – это общество, которое потеряло четко выделенные единые и абсолютные ценностные ориентиры, но приобрело несколько целевых ценностных начал, которые детерминируют его дальнейшее развитие. Процесс взаимодействия данных ценностных начал и есть процесс развития общества в целом, социальная реальность, актуализированная в настоящем. Коллективная форма взаимодействия и обмена выступает как основа для самоорганизации и для возникновения новых структур. Дрейфующее общество – это общество потенциально содержащее в себе различные варианты развития, реализация которых зависит уже от других условий (в частности, от внешних воздействий). Разумеется, дрейфующее общество — это открытое общество, сложное общество, множественное в своей основе. «Наше видение природы претерпевает радикальные изменения в сторону множественности, темпоральности и сложности... Ныне мы осознаем, что живем в плюралистическом мире» [26, с. 34]. И далее: «В наши дни основной акцент научный исследований переместился с субстанции на отношение, связь, время» [26, с. 50]. В социальной философии такая постановка вопроса наиболее актуальна; выявление отношений и связей между социальными субъектами, событиями и элементами социальных систем, их анализ, а также анализ их изменений выходят на первый план.

Мир теряет некий выделенный центр; современное общество отличается высокой степенью социального динамизма; трансформации настолько часты, что просто не успевают закрепиться в социокультурном

пространстве; общество находится в состоянии перманентного изменения, что влечет за собой постоянную переоценку ценностей, появление новых линий-направлений аксио-ризомы, нивелирование существующих внутри социокультурного пространства социальных связей. Малые внешние воздействия, незначительные колебания внутри социального формирования способны привести к значительным изменениям. «Абсолютная устойчивость – тупик, поскольку не содержит источников развития. Динамика (системы) предполагает такое соотношение устойчивости и неустойчивости, которое позволяет “жить” (системе), быть открытой к миру, обмениваться со средой веществом, информацией» [27, с. 18]. «Устойчивость, доведенная до предела, прекращает любое развитие, она противоречит принципу изменчивости» [28, с. 47].

Любая организованность не является универсально устойчивой, она может быть устойчива по отношению к каким-либо определенным иным организованностям, иным формированиям, по отношению к другим она может быть неустойчива и даже дезорганизована. Дрейфующее общество неустойчиво по отношению к другим социальным образованиям. Тем не менее, если рассматривать строение этого общества изнутри, можно утверждать, что и в таком обществе существует согласованность между социальными элементами, социокультурными монадами, обеспечивающая их сотрудничество и дальнейшее социальное развитие. Следует отметить, что идеальной социальной организованности в принципе быть не может, к ней так или иначе добавляется дезорганизованность, возникающая вследствие столкновения социальных активностей и сопротивлений им. Уравновешенность активностей и процессов противодействия подразумевает организованность или относительную устойчивость социума. Дезорганизованность возникает в том обществе, в котором социальные активности или противодействующие процессы начинают превалировать.

В случае дрейфующего общества процессы разложения ценностной сферы, ценностная эрозия настолько всепоглощающие, что эрозии подвергается и само социокультурное пространство. Мозаичность пространства означает прежде всего способ взаимодействия его элементов, если же рассматривать процессы расширения и распространения пространственных границ, то в данном случае социокультурное пространство следует трактовать как предельно сложную фрактальную реальность. Так, фрактальность подразумевает, прежде всего, пространственную и временную сложность, а также наличие самоповторяющейся структуры и масштабной инвариантности. В социокультурном пространстве разрастание аксиологической ризомы приводит к появлению новых монад в мозаике; мозаика не имеет топологической «правильности», ее расширение стохастично и нелинейно, неплоскостно, прерывисто. Фрактальность, с одной стороны, означает существование строгого пространственного или (и) временного порядка, наличие четкого алгоритма, закона построения или роста. С другой стороны, это атрибут хаотичности временного развития, «след» его непредсказуемого, неупорядоченного поведения, а дроб-

ная часть фрактальной раздробленности определяет степень хаотичности поведения системы [29].

Фрактальность и ризоморфность присущи современному социокультурному пространству, в котором мы наблюдаем принципиальную нелинейность и аструктурность. Социокультурное пространство – это образование, состоящее из объектов (монад), обладающих признаком подобия по отношению к самим себе и всему образованию в целом. Социокультурное пространство можно описать как среду, имеющую множество входов, каждый из которых может стать отправной точкой. Разрыв аксиоризомы в пределах данной точки не означает ее гибели, поэтому все пространство в целом обладает креативным потенциалом самоорганизации и самосохранения. Это подвижное целое, которое «не является закрытым множеством, напротив, оно способствует тому, что множество никогда не находит надежного приюта и благодаря этому остается где-то открытым и как бы привязанным тоненькой ниточкой к остальной вселенной» [30, с. 50–51].

Итак, социокультурное пространство современного социума – это целое, представляющее множество, со-общество монад, организованных по мозаичному типу и имеющее в своем основании ризоморфную ценностную среду. При этом распространение элементов социокультурной мозаики или расширение социокультурного пространства происходят по принципам фрактальности, что означает не только пространственную, но и временную сложность социокультурного пространства.

Литература

1. Вебер А. Избранное : кризис европейской культуры / А. Вебер. – СПб. : Универ. кн., 1998. – 565 с.
2. Бароноев А. О. О понятиях «общество» и «социальное» / А. О. Бароноев, П. И. Смирнов. – Социс. – 2003. – № 8. – С. 3–11.
3. Луман Н. Введение в системную теорию / Н. Луман, – М. : Логос, 2007. – 360 с.
4. Гидденс Э. Устроение общества : очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М. : Акад. проект, 2005. – 528 с.
5. Парсонс Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М. : Академ. проект, 2002. – 832 с.
6. Социологический энциклопедический словарь : на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / под ред. Г. В. Осипова. – М. : ИНФРА-М-НОРМА, 1998. – 488 с.
7. Зиммель Г. Философия денег (фрагмент) / Г. Зиммель. – Теория общества : сборник / пер. с нем., англ. – М. : КАНОН-Пресс-Ц, 1999. – 416 с.
8. Гусев А. Н. Категория социальной дистанции в творчестве Г. Зиммеля / А. Н. Гусев // Социологические исследования. – 2009. – № 4. – С. 123–130.
9. Бурдьё П. Социальное пространство : поля и практики / П. Бурдьё. – пер. с фр. ; отв. ред. Н. А. Шматко. – М. ; СПб. : Ин-т эксперим. социологии : Алетейя, 2005. – 288 с.
10. Гуткина И. М. К вариативности связи понятий «пространство» и «культура» / И. М. Гуткина // Пространство цивилизаций и культур на рубеже XXI в. – Саратов, 1999. – С. 63–68.

11. *Лотман Ю. М.* Семиосфера : культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство СПб., 2000. – 704 с.

12. *Силкина Л. В.* Социально-философские основания анализа культурного пространства : дис. ... канд. филос. наук / Л. В. Силкина. – Саратов, 1999. – 130 с.

13. *Листвина Е. В.* Социокультурная ситуация : пространственный аспект / Е. В. Листвина. – Режим доступа: http://www.riki.ru/cjnfs/vrem_cult/ListTxt.htm (дата обращения: 28.06.2013).

14. *Немировский В. Г.* Универсальная парадигма в российской социологии / В. Г. Немировский // Социология на пороге XXI века : основные направления исследований / под ред. С. И. Григорьева. – М. : Русаки, 1999. – 357 с.

15. *Тулиганова И. В.* Социокультурное пространство современного города : дис. ... канд. филос. наук / И. В. Тулиганова. – Саратов, 2009.

16. *Рудкевич Е. Ю.* Ценности как элементы социокультурных монад коллективной памяти / Е. Ю. Рудкевич // Диалог мировоззрений : коллективная социально-историческая память и вызовы современности : программные и рабочие материалы X Междунар. симпозиума, 27–29 мая 2009 г./ под ред. А. В. Дахина. – Н. Новгород : Изд-во ВВАГС, 2009. – С. 112–114.

17. *Рудкевич Е. Ю.* Структура ценностей общества : структурный анализ / Е. Ю. Рудкевич // Власть. – 2007. – № 1. – С. 92–94.

18. *Витгенштейн Л.* Философские исследования / Л. Витгенштейн // Философские работы. – М. : Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 612 с.

19. *Анкерсмит Ф. Р.* История и тропология : взлет и падение метафоры / Ф. Р. Анкерсмит ; пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – 496 с.

20. *Делёз Ж.* Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Режим доступа: <http://tfk1.narod.ru/rizoma.htm> (дата обращения: 18.02.2013).

21. Общество : пространство, риски, ценности / В. Б. Устьянцев [и др.] ; под ред. А. Н. Чумакова. – Саратов : Изд-во Сарат. гос. ун-та, 2012. – 268 с.

22. *Селиванов А. И.* Бытие и постижение развивающихся миров / А. И. Селиванов. – Уфа : Изд-во БашГУ, 1998. – 360 с.

23. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – М. : Астрель, 2006. – 1176 с.

24. *Моль А.* Социодинамика культуры / А. Моль. – М. : Прогресс, 1995. – 416 с.

25. *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием / С. Кара-Мурза. – М. : Эксмо-Пресс, 2001. – 832 с.

26. *Пригожин И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стингерс ; пер. с англ. ; общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича, Ю. В. Сачкова. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.

27. *Делокаров К. Х.* Синергетика и познание социальных трансформаций / К. Х. Делокаров // Синергетическая парадигма : человек и общество в условиях нестабильности. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – С. 18–36.

28. *Моисеев Н. Н.* Алгоритм развития / Н. Н. Моисеев. – М. : Наука, 1987. – 304 с.

29. Качелаевская К. В. Пространство : фрактальные представления / К. В. Качелаевская // Известия Саратов. ун-та. Сер. : Философия. Психология. Педагогика. – Саратов, 2013. – Т. 13, вып. 1. – С. 38–41.

30. Делёз Ж. Кино / Ж. Делёз. – М. : AdMarginem, 2004. – 624 с.

*Военно-воздушная академия имени
профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Га-
гарина (филиал в г. Сызрань)*

*Шакирова Е. Ю., кандидат философ-
ских наук, доцент кафедры гуманитар-
ных и социально-экономических дисцип-
лин*

E-mail: 5526reu@mail.ru

Tel.: 8-919-813-17-15

*Military and Air Academy named
after Professor N. E. Zhukovsky and
Yu. A. Gagarin (Syzran Branch)*

*Shakirova E. Yu., Candidate of Philo-
sophical Sciences, Associate Professor of
the Humanitarian and Social and Eco-
nomic Disciplines*

E-mail: 5526reu@mail.ru

Tel.: 8-919-813-17-15